

УДК 938(082)

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-151-167

ЖЕЛЕЗНЫЙ КИНЖАЛ С ЗООМОРФНЫМ НАВЕРШИЕМ, НАЙДЕННЫЙ У С. ИЛЬИНСКОЕ В ОРЕНБУРЖЬЕ

Зуев В. Ю.*Независимый исследователь, член редколлегии международного журнала**«Stratum+. Археология и культурная антропология»**г. Санкт-Петербург, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Рассмотрена история изучения кинжала скифского времени с зооморфным декором рукояти, найденного в 1912 г. у с. Ильинское в Оренбуржье, и определён его реальный археологический контекст. находка издавалась до этого с ошибочной трактовкой изображений.

Процедура и методы. Методами иконографического анализа установлено, что на кинжале изображены не головы грифонов, а фигуры кошачьих хищников, соприкасающиеся головами. Сравнительным методом подобрана серия подобных клинков скифской эпохи, позволяющих говорить об определённом культурно-историческом контексте и датировать кинжал V–IV вв. до н. э.

Результаты. На основе стилистического анализа кинжал отнесён к кругу древностей, характерных для Филипповского курганного некрополя в Оренбуржье.

Теоретическая или практическая значимость. Перемещение кинжала по разным музеям дало основание автору затронуть историю раздела культурных ценностей между Российской Федерацией и Казахстаном в момент формирования казахской государственности в конце 20-х гг. XX в. Статья демонстрирует плодотворность сотрудничества российских и казахских специалистов в деле изучения общего культурного наследия современных соседних государств.

Ключевые слова: кинжалы скифского периода, ранние кочевники Евразии, звериный стиль

Благодарности. Выражаю благодарность за помощь в работе с кинжалом из Бишкюля старшему преподавателю кафедры археологии, этнологии и музеологии исторического факультета Казахского национального университета им. аль-Фараби в г. Алматы – Бауыржану Бесетаеву.

AN IRON DAGGER WITH A ZOOMORPHIC TIP FOUND NEAR ILINSKOE VILLAGE IN ORENBURG REGION

V. Zuev*Independent researcher, Member of the Editorial Board,**International Journal «Stratum+. Archeology and Cultural Anthropology»**St. Petersburg, Russian Federation***Abstract**

Aim. To review the history of the dagger of the Scythian period with a zoomorphic decoration of the handle, found in 1912 near Ilyinskoe village in Orenburg region, and to determine its real archaeological context. This find was published before with an erroneous interpretation of the images.

Methodology. Using the methods of iconographic analysis, it was established that the dagger depicts not the heads of griffins, but the figures of feline predators, their heads touching. Using a comparative method, a series of similar blades from the Scythian era was selected, allowing us to talk about a certain cultural and historical context and date the dagger to the 5th–4th centuries B.C.

Results. Based on the stylistic analysis, the dagger is classified as one of the antiquities characteristic of the Filippovsky burial mound necropolis in Orenburg region.

Research implications. Moving the dagger to different museums gave the author a reason to touch upon the history of the division of cultural property between the Russian Federation and Kazakhstan at the time of the formation of Kazakh statehood in the late 20s of the 20th century. The article demonstrates the fruitfulness of the cooperation between Russian and Kazakh specialists in studying the common cultural heritage of modern neighboring states.

Keywords: daggers of the Scythian period, early nomads of Eurasia, animalistic style

Acknowledgments. I express my gratitude for the help in working with the dagger from Bishkul to the senior lecturer of the Department of Archaeology, Ethnology and Museology of the Faculty of History of the Kazakh National University al-Farabi in Almaty – to Bauyrzhan Besetaev.

Введение

Сведениями о находке железного кинжала с зооморфным навершием к северо-востоку от Оренбурга в 1912 г. археология Южного Урала обязана неутомимому исследователю древностей Урала Владимиру Яковлевичу Толмачёву (1876–1942). Он родился в Шадринске. Гимназию закончил в Екатеринбурге в 1896 г., где подружился с мужем сестры, преподавателем французского языка, основателем Уральского общества любителей естествознания Онисимом Егоровичем Клером (1845–1920). Переехав в Санкт-Петербург, В. Я. Толмачёв стал студентом физико-математического факультета столичного университета и параллельно учился в Высшем художественном училище при Императорской Академии Художеств. В 1900–1902 гг. он прослушал полный цикл лекций в Археологическом институте, освоив методику раскопок древних памятников под руководством А. А. Спицына (1858–1931).

В. Я. Толмачёв проявлял особый интерес к древностям Урала, сведения о которых он систематически собирал, изучая коллекции провинциальных музеев и частных собраний, в основном в Зауралье. Русско-японская война прервала на несколько лет его занятия уральской археологией, но открыла для него удивительный мир Дальнего Востока и Китая.

В 1907 г. Владимир Яковлевич вернулся на Урал с Дальнего Востока, став действительным членом Уральского

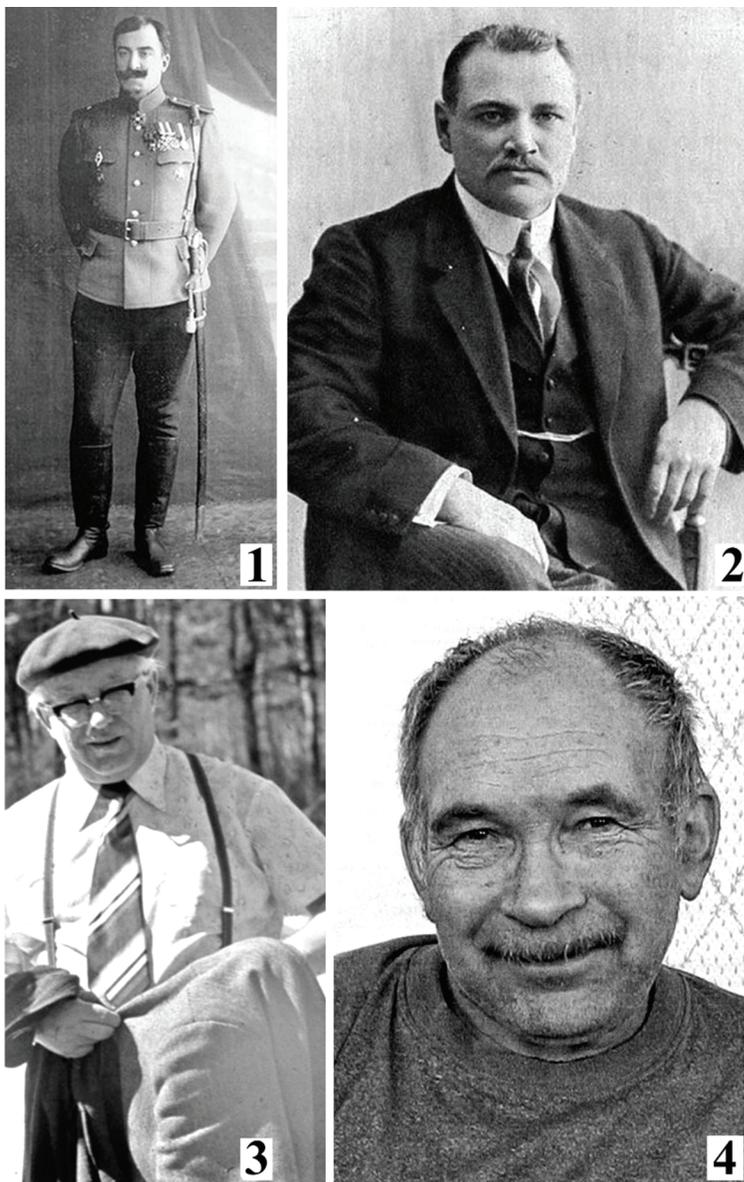
общества естествоиспытателей. В 1908 г. он провёл археологические разведки в Оренбуржье и каждый год до Первой мировой войны посещал города южного и восточного Урала, составляя подробную археологическую карту древностей и описывая подробно коллекции музеев, зарисовывая и фотографируя различные находки.

Благодаря этой деятельности достижением археологической науки стали такие уникальные памятники, как Сапоговский клад и полная фиксация знаменитого шигирского идола. В 1908–1914 гг. В. Я. Толмачёв в сотрудничестве с председателем Оренбургской учёной архивной комиссии А. В. Поповым (1867–1937) и хранителем музея И. А. Кастанье (1875–1958) составили «Опись музея Оренбургской учёной архивной комиссии» (594 археологические находки), к которой В. Я. Толмачёв собрал альбом фотоснимков древностей, изготовленных и сведённых оренбургским фотографом Антоном Александровичем Норвилло в фототаблицы¹. Работа велась им с намерением создать большой труд «Древности Восточного Урала» с археологической картой и атласом древностей, описанных по музейным и частным коллекциям восточного и южного Урала. Этой работе, которой он занимался всю

¹ Антон Александрович Норвилло жил в Оренбурге и имел своё фотоателье на ул. Николаевской «в доме Фокеродт, справа от булочной, напротив церкви Петра и Павла». А. А. Евгеньев ошибочно принял сокращение А. Н. за инициалы фотографа [3, с. 230; 8, с. 22–24].

свою жизнь, даже в эмиграции в Маньчжурии, куда его семью занесло лихолетье революции и Гражданской войны, помешала Первая мировая война. Будучи

мобилизованным офицером Семёновского гвардейского полка, В. Я. Толмачёв (рис. 1.1) передал рукописные каталоги и фотоколлекции уральских древностей

1. Владимир Яковлевич Толмачёв (1876–1942)
2. Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952)
3. Константин Фёдорович Смирнов (1917–1980)
4. Рамиль Бакирович Исмагилов (1949–2014)

Рис. 1 / Fig. 1. Русские археологи и историки античности / Russian archaeologists and historians of antiquity

Источник: фото из архива автора

на хранение своему другу и учителю А. А. Спицыну в Императорскую Археологическую комиссию. Позже, в конце 20-х гг. бурного XX в., часть архивных материалов В. Я. Толмачёв смог получить из Свердловска и Ленинграда в Харбин. С ними он намеревался вернуться в СССР, приняв советское подданство в годы Великой Отечественной войны, но, к сожалению, смерть настигла его при сборах для возвращения на родину в 1942 г.

О работах В. Я. Толмачёва сейчас написан ряд подробных исследований [3; 4; 13].

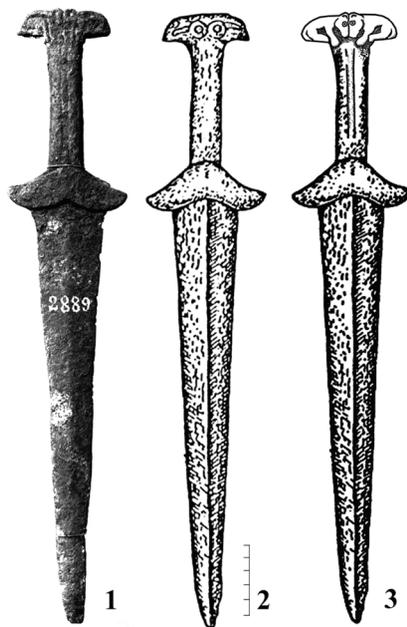
В рукописном каталоге «Опись Оренбургского музея», переданном В. Я. Толмачёвым в 1914 г. на хранение А. А. Спицыну, имелась запись и фотография находки железного кинжала, который нашёл на берегу р. Салмыш у с. Ильинское Белозёрской волости Оренбургского уезда и губернии в 1912 г.¹ крестьянин Г. М. Литвиненко (рис. 2.1). Он лично привёз свою находку в Оренбург и передал её безвозмездно на хранение лично хранителю музея комиссии И. А. Кастанье².

Мнение академика М. И. Ростовцева

Рукописью В. Я. Толмачёва и фотографией кинжала воспользовался в 1917–1918 гг. академик М. И. Ростовцев (рис. 1.2) при работе над книгой «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма» с разрешения А. А. Спицына, что особо оговорено в тексте исследования [14, с. 29]. В своё время была подробно охарактеризована работа М. И. Ростовцева над текстом этой книги в условиях, когда коллекции Эрмитажа и Архив Российской Археологической комиссии в Зимнем дворце упаковывались и все материалы готовились к эвакуации [6, с. 580–582]. Следует отметить, что работу с корректурой кни-

ги М. И. Ростовцев весной 1918 г. успел закончить лишь до 56 с. текста. Согласно штемпелям на корректурных листах³ набор книги, начиная с 57 с., поступил на вычитку 5 июля 1918 г., а М. И. Ростовцев с супругой уехали из Петрограда в Швецию 30 июня 1918 г., и книгу к выпуску, подготовил академик В. В. Латышев (1855–1921), включая изготовление клише таблиц всех иллюстраций [5, с. 29, рис. 8.8].

Эти подробности необходимо иметь в виду, оценивая то заключение по памяти, какое М. И. Ростовцев составил в описа-

1. Фото А. А. Норвилло для Атласа к работе В. Я. Толмачёва «Древности Восточного Урала».
2. Графическая трактовка кинжала, выполненная К. Ф. Смирновым.
3. Графическая трактовка кинжала.

Рис. 2 / Fig. 2. Кинжал, найденный в 1912 г. у с. Ильинское в Оренбуржье / Dagger found in 1912 near Ilyinskoe village in Orenburg region

Источник: 1 – ФО Архива ИИМК РАН. Ф. 34. № 2889; Табл. XV; 2 – [16, рис. 1.11]; 3 – рисунок автора

¹ В советское время эти земли входили в Кувандыкский р-н Оренбургской обл. на момент составления сводов археологических памятников савроматской и прохоровской культур (1963 г.). Ныне это Октябрьский район той же области.

² ФО Архива ИИМК РАН. Ф. 34. № 2889; Табл. XV.

³ РО А ИИМК РАН. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 375. Л. 76.

нии кинжала, найденного у с. Ильинского в Оренбуржье. В этой книге М. И. Ростовцев впервые сопоставил и постарался выделить разные типы клинков скифской и сарматской эпох. И если для сарматской эпохи, по его наблюдению, характерны клинки с серповидным навершием и прямым перекрестьем, то для более раннего времени, относящегося ещё к эпохе доминирования скифской культуры, он, с трудом подбирая термины, приводит ряд образцов клинкового оружия принципиально иных форм, чем сарматский тип. Ростовцев пишет: «Очень распространённые в киевской группе мечи с набалдашником, напоминающим набалдашники оренбургских мечей и кинжалов и, вместе с тем, довольно близко стоящим к типичному набалдашнику гальштатских мечей, так называемому набалдашнику а *antennes*. Полного совпадения, однако, ни с теми, ни с другими не наблюдается. При этом крестовина остаётся иранской, т. е. сердцевидной. Мечи с такими набалдашниками далеко не все однородны. Среди них мне известны 3 разновидности:

1. набалдашник в форме двух волют, модификацией которого являются;
2. набалдашники, где волюты трактованы как птичьи головы;
3. набалдашники без волют, но серповидной формы.

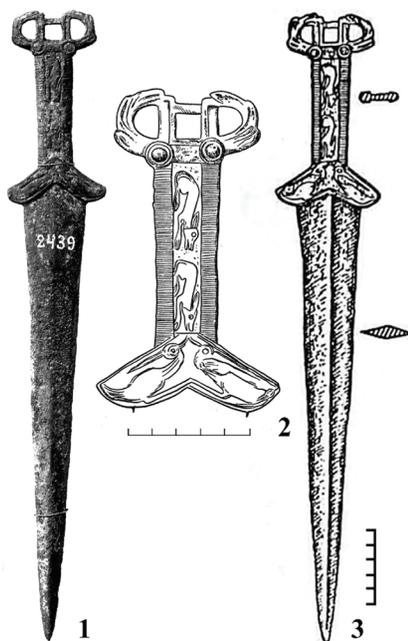
...Среди мечей второй разновидности особенно интересны мечи как архаического, так и более позднего времени с навершием в виде деформированной волюты, трактованной как 2 сходящиеся птичьи головы, и с рукоятью, разделённой на 3 параллельные полосы, из которых две крайние приподняты и обрамляют среднюю вдавленную, иногда заполненную звериным или геометрическим орнаментом.

...Из указанных выше 3 разновидностей скифских мечей, представляющих, по всей вероятности, сочетание иранских акинаков с западно-европейскими, специально гальштатскими формами мечей, в степях юго-восточной России, а также

в приуральской области очень обычны мечи и кинжалы второй разновидности» [14, с. 57–58].

М. И. Ростовцев привёл в пример 2 меча из «Описи» В. Я. Толмачёва, хранящихся в коллекции Оренбургского музея: клинок из Новой Богдановки (рис. 3)¹ и клинок из с. Воскресенского (рис. 4)².

В этот же ряд М. И. Ростовцев тут же ставит и находку 1912 г.: «Почти тот же тип представляет кинжал Оренбургского музея, найденный на пашне око-

1. Фото А. А. Норвилло для Атласа к работе В. Я. Толмачёва «Древности Восточного Урала».

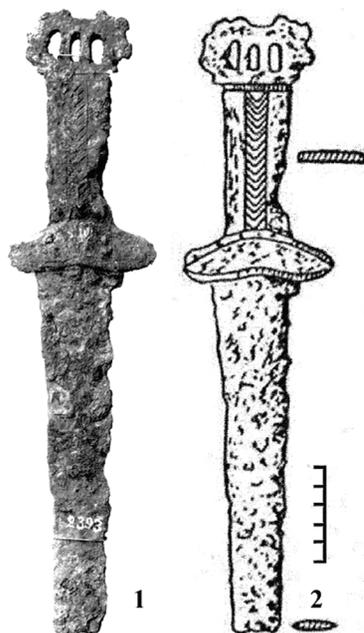
2–3. Графическая прорисовка кинжала К. Ф. Смирнова.

Рис. 3 / Fig. 1. Кинжал, найденный у с. Новая Богдановка в Оренбуржье / Dagger found near New Bogdanovka village in Orenburg region

Источник: 1 – ФО Архива ИИМК РАН. Ф. 34. № 2439; Табл. XVI; 2–3 – [17, рис. 77.33]

¹ Толмачёв В. Я. Описание музея Оренбургской архивной комиссии. Рукопись // РО НА ИИМК Ф. 1. Д. 741. Л. 1–36. табл. 16, № 2439 = 14. Табл. VII.14.

² Там же. Табл. 17 № 2393.

1. Фотография А. А. Норвилло для Атласа к работе В. Я. Толмачёва «Древности Восточного Урала». 2. Графическая прорисовка кинжала К. Ф. Смирнова.

Рис. 4 / Fig. 4. Кинжал, найденный у с. Воскресенское в Оренбуржье / Dagger found near Voskresenskoye village in Orenburg region

Источник: 1 – ФО Архива ИИМК РАН. Ф. 34. № 2393; Табл. XVII (Ныне хранится в Центральном государственном музее Республики Казахстан Инв. № КП –2276/5); 2 – [16, рис. 4.6]

ло с. Ильинского, Белозёрской волости (№ 2889; Толмачёв. Описание. Табл. XV; наша табл. VII, 15). Разница только та, что набалдашник имеет форму двух сопоставленных затылками голов грифонов» [14, с. 58–59].

Рассмотрение этого ряда якобы однотипных клинков объясняет то, как увидел клинок из Ильинского М. И. Ростовцев. Эти 3 клинка объединяет трёхчленное вертикальное деление ствола рукояти. Но если в оформлении навершия рукояти из Новой Богдановки можно увидеть глаз и сильно стилизованный клюв хищной птицы (чаще в литературе принято говорить о мотиве когтя хищной птицы) и вслед за М. И. Ростовцевым называть

этот тип наверший для обоих клинков – антенным, то в случае с навершием клинка из Ильинского назвать явно имеющиеся в навершии зооморфные изображения головами двух птиц, смотрящими в разные стороны, очень трудно. М. И. Ростовцев явно принял за глаза птиц 2 углубления вверху посередине навершия, от которых изгибы абриса навершия он трактовал как 2 массивных клюва грифонов, смотрящих в разные стороны.

Надо отметить, что, говоря о птичьих головах в навершии рукояти кинжала из Ильинского, М. И. Ростовцев явно следовал впечатлению, полученному от книги молодого финского археолога А. М. Тальгрена (1885–1945), материалы которой он активно использовал в своём анализе клинкового оружия из Приуралья, сравнивая его с образцами оружия скифского времени из Минусинского края [23, рл. III–XII]. Он писал: «Родство этого типа с мечами и кинжалами Минусинского округа бросается в глаза... Из всего разнообразия форм минусинских кинжалов, ...особенно интересна та разновидность, где набалдашник трактован в зверином стиле. Эти кинжалы являются и наиболее сходными с мечами и кинжалами южно- и восточно-русских погребений» [14, с. 59]. И здесь М. И. Ростовцев был очень близок к разгадке головоломки изображения на навершии Ильинского клинка, когда написал: «Особняком стоят кинжалы с навершьями в виде целых зверей – медведей (м.б. лошадей) или козлов; вся структура ручки этих кинжалов чрезвычайно оригинальна, хотя самый способ орнаментации вполне обычен для западно-сибирских могильников» [14, с. 59]. Но то, что М. И. Ростовцев не держал в руках оренбургскую находку и не всмотрелся детальнее в фотографию В. Я. Толмачёва, сыграло с академиком злую шутку: в литературе с его лёгкой руки закрепилась неверная трактовка изображений на навершии кинжала из Ильинского.

В остальном М. И. Ростовцев очень концептуально оценивал материал, рас-

ставляя правильные типологические акценты. Он писал: «Господствующим типом являются волютообразные сопоставления 2 голов, чаще всего голов ушастых грифонов, реже львов или лошадей. ...Сопоставления Радлова доказывают, что вся эта категория кинжалов принадлежит позднейшей эпохе западно-сибирских древностей, времени перехода от бронзового к железному веку и эпохе железного оружия. Характер украшений показывает, что мы имеем дело не с местным самостоятельным развитием, а с влиянием, шедшим с юга, где фигуры грифонов и львов были излюбленными и обычными.

К сожалению, даже после подробно-го вполне научного разбора минусинского материала, сделанного Тальгреном в указанной работе, хронологически, а особенно сравнительная хронология минусинских вещей, по большей части случайных находок, неясна. Ясно одно – и в этом Тальгрэн несомненно прав, – что минусинские вещи позднего бронзового и железного периода отнюдь не были прототипом скифских, с которыми у них так много общего, как думает Миннз. Не могу, однако, согласиться с его утверждением, что южно-русские вещи были тем оригиналом, который влиял на западную Сибирь: и там, и здесь мы имеем дело с совершенно готовым запасом форм и мотивов, создававшихся, очевидно, и не там, и не здесь. ...Решение этого вопроса не предрешает, однако, вопроса о том, развивается ли меч с волютным набалдашником, не трактованном в зверином стиле из меча с набалдашником из двух сопоставленных голов, или наоборот. Я не вижу необходимости принимать либо то, либо другое решение. Волютные набалдашники могли появиться и с запада, сочетавшись с восточными звериными и дать гибридные формы» [14, с. 60].

Этими интуитивными типологическими эскизами, исполненными очень решительно и категорично, М. И. Ростовцев, безусловно, заложил фундамент по-

следующих оружейведческих представлений о путях развития основных форм скифского клинкового оружия, которые разработали в скифологии В. Гинтерс (1899–1929), А. И. Мелюкова (1921–2004) и К. Ф. Смирнов (1917–1980) [11; 16; 22]. Но вместе с позитивным влиянием на работы последующих поколений исследователей вооружения ранних кочевников оказывали влияние и незамеченные ошибки М. И. Ростовцева как основоположника скифо-сарматской археологии. И история изучения железного кинжала, найденного у с. Ильинское в 1912 г., – тому подтверждение.

Кинжал из с. Ильинское и судьба коллекций Оренбургского музея Учёной Архивной Комиссии

Негативную роль в изучении этой находки сыграла драматичная судьба коллекций бывшего музея Учёной архивной комиссии в Оренбурге. После перипетий Гражданской войны музейное собрание продолжало храниться в здании, построенном для коллекций на крутом левом берегу р. Урал в Оренбурге рядом с бывшим губернаторским домом в центре города. В августе 1920 г. Оренбургская губерния вошла в состав провозглашённой Киргизской (Казахской) автономной советской социалистической республики, а её столицей стал г. Оренбург.

Созданное в ноябре того же года столичное «Общество изучения Киргизского края» получило, согласно своему уставу, все библиотеки и музеи города, которыми оно могло пользоваться впредь до возобновления деятельности закрытых научных обществ¹.

После проведения в 1924 г. национального размежевания в Средней Азии к Кирреспублике были присоединены

¹ Госархив Оренбургской области. Р. 1. Оп. 1. № 730. Л. 1. В пользование нового Общества были переданы библиотеки Оренбургского отдела Русского географического общества и Учёной архивной комиссии, а также музеи Учёной архивной комиссии, Губернского земства и Казачьего войска.

обширные южные степные земли, и столицу республики было решено перенести в бывший г. Перовск, получивший в советское время новое имя – Кзыл-Орда. Переезд столицы и перевод в Кзыл-Орду всех государственных и общественных учреждений означал превращение Оренбурга в захолустный город на краю нового государства. Городские и губернские органы власти приложили немало усилий к тому, чтобы в 1925 г. Оренбуржье было выведено из состава Кирреспублики и вошло в состав Российской Федерации. Но если для административных структур это разделение прошло безболезненно, то национально-государственное размежевание оказалось фатальным для культурных учреждений города и области.

Переезжавшие в Кзыл-Орду органы управления Кирреспублики стремились вывезти с собой максимальное количество культурных ценностей Оренбурга. В обход созданных комиссий по разделу культурного наследия Оренбургского края из города тайно и варварски были вывезены в Кзыл-Орду 20 000 книг из библиотеки Оренбургского отдела Русского географического общества (уже восстановленного к 1925 г.), 15 000 книг библиотеки бывшей Учёной архивной комиссии и 5 000 книг просуществовавшего в Оренбурге 2 года Оренбургского отделения Московского археологического института. Книги при вывозе из-за спешки просто сваливались в рогожи и кули; и мешками грузились на машины, которые сразу уходили в степь¹. Все попытки оренбуржцев и ВЦИК СССР вернуть библиотеки были проигнорированы властями Кирреспублики, а в дальнейшем при переезде столицы республики из Кзыл-Орды в Алма-Ату эти книжные собрания были окончательно раздроблены и большей частью уничтожены при идеологических чистках.

¹ Трагические подробности разрушения культурного наследия Оренбуржья в 1925–1928 гг. обстоятельно изложены в работе [15, с. 18–24].

В начале 1927 г. власти Кирреспублики отдали приказ о переброске музейных собраний Оренбурга, складированных и закрытых для доступа в здании бывшей Учёной архивной комиссии². Но вывезти музейные собрания тайно от властей Оренбурга деятелям «Общества изучения Киргизского края» на этот раз не удалось. В результате конфликта в городе была создана в июле 1927 г. специальная комиссия по разделу коллекций музея. По требованию казахской стороны в ведении Оренбургского музея должны были остаться только те вещи, которые были найдены и приобретены на территории губернии в её новых границах 1927 г. При этом вещи, найденные до революции на территории современных на тот момент Троицкой и Челябинской областей и автономной Башкирской республики, должны были тоже отойти в пользу музея Кзыл-Орды для демонстрации исторических связей угнетённых народов Азии, находившихся под гнётом русского колониализма. Кроме того, в Оренбурге могли остаться только те коллекции, которые имели документальное подтверждение, что они найдены в Оренбуржье. Вводя последнее условие, представители казахской стороны организовали похищение всех музейных описей, которые пропали в первые же дни работы спорной комиссии.

Но даже в таких условиях комиссия по разделу музейного имущества пришла к выводу, что Оренбург имеет право претендовать на 80–90% всех коллекций³. Начавшийся в январе 1928 г. процесс передачи коллекций в Кзыл-Орду сопровождался постоянным обсуждением спорных вещей, от которых претендующая сторона «не могла отказаться в силу того,

² Об этом с глубоким сожалением сообщает в своих отчётах за 20-е гг. Б. Н. Граков (1899–1970), которому так и не удалось осуществить своего желания познакомиться с археологическими коллекциями Оренбургского музея, в частности, с коллекциями находок в Прохоровке (См.: РО А ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1927. № 167. Л.3).

³ Госархив Оренбургской области. Ф. 2554. Оп. 1. № 4. Л. 58.

что некоторые из них имеют громадное научное значение, что особенно важно для только что открывшегося Казакского университета в Алма-Ате». Число этих спорных экспонатов постепенно сокращалось. Большая часть уходила в Кызыл-Орду, что-то оставалось в Оренбурге. По архивным данным, собранным и проанализированным оренбургским историком Д. А. Сафоновым, из Оренбурга в 1928 г. всё же были вывезены 9/10 музейных собраний.

Из числа оставшихся в Оренбурге 2 594 экспонатов местные власти и руководство музея тут же уничтожили по идеологическим соображениям ещё 1 149 вещей, в т. ч. 640 икон и 239 фотографий офицерства казачьих войск [15, с. 27]. Кинжал, некогда подаренный его находчиком крестьянином Г. М. Литвиненко музею в Оренбурге, был вывезен в Кызыл-Орду в 1928 г., а в 1935 г. стал одним из археологических экспонатов Центрального музея Казахской ССР в г. Алма-Ате [16, с. 14]. Он до сих пор находится в фондах музея.

Кинжал из с. Ильинское в исследованиях советских сарматологов

В 1961 г. К. Ф. Смирнов (рис. 1.3) при подготовке книги по вооружению сарматов дал своё описание этого кинжала. Сам исследователь с дореволюционной находкой не работал. Не знал он и оригинала фотографий кинжала В. Я. Толмачёва из архива А. А. Спицына. Сведения о кинжале из фондов Центрального музея Казахской ССР (с указанием приблизительных размеров) К. Ф. Смирнову передал археолог из Алма-Аты Е. И. Агеева (1916–1965)¹. Но для графического изображения кинжала К. Ф. Смирнов воспользовался иллюстрациями из книги М. И. Ростовцева, на которых в уменьшенном виде воспроизведена фотография из рукописного

каталога Оренбургского музея В. Я. Толмачёва [14, табл. VII, 15].

В своём видении этого клинка (рис. 2.2) К. Ф. Смирнов строго следовал мнению М. И. Ростовцева, хотя его размышления и чутьё хорошего рисовальщика и знатока звериного стиля кочевников Приуралья явно порождали в нём большие сомнения в правильности трактовки академиком изображений на рукояти кинжала. Он писал: «Железный короткий акинак (длина около 42 см), найденный на пашне около с. Ильинское Белозерской волости Оренбургского уезда, имеет плоскую сплошную рукоятку с продольными бороздками, бабочковидное перекрестье и треугольный клинок с продольным ребром (Центральный музей Казахской ССР). На его плоском навершии с заострёнными концами выбито не совсем ясное изображение с кружками в центре, которое в целом напоминает головы грифонов, обращённых друг к другу затылками.

Среди сибирских кинжалов имеется много экземпляров, тождественных ильинскому акинаку по всем деталям формы, кроме навершия, часто сделанного в виде грифоновых голов, образующих фигурные волуны. Мне известен лишь один минусинский кинжал из коллекции Товостина (Tallgren. 1917. Pl. III, 12 b), форма клинка и перекрестья которого такая же, как и у ильинского акинака, а сплошное навершие изображает 2 головы животного (изображение неясно), обращённые затылками друг к другу. Среди скифских акинаков таких наверший не имеется. В целом ильинский акинак можно отнести к группе восточных, сибирских форм V–IV вв. до н. э.» [16, с. 14–15, с. 101, рис. 1.11].

На иллюстрации к книге К. Ф. Смирнов изобразил схематично то, о чём писал М. И. Ростовцев (рис. 2.2). Его изображение невозможно принять. Можно только согласиться с исследователем в том, что аналогов такому декору рукояти, как на графическом рисунке, нет среди клинков

¹ К сожалению, ко времени написания этой статьи найти кинжал из Ильинского в фондах Национального музея республики Казахстан в г. Алматы пока не удалось.

ни скифского, ни более позднего сарматского времени. Хотя по всем остальным пропорциям перед нами клинковое оружие, безусловно, скифской эпохи. Таким образом, ошибочное мнение М. И. Ростовцева сыграло с К. Ф. Смирновым, что называется, злую шутку.

Ростовцевская трактовка клинка, найденного у с. Ильинское в Оренбуржье (как и датировка его скифским временем), была повторена К. Ф. Смирновым и в совместно написанном с В. Г. Петренко своде археологических источников по памятникам савроматской культуры Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [18, с. 16, № 179].

Против датировки скифским временем кинжала, найденного у с. Ильинского, выступила М. Г. Мошкова. Она определила этот клинок принадлежащим к раннесарматскому (прохоровскому) типу и датировала эту находку IV–II вв. до н. э., внеся его в свод памятников раннесарматской (прохоровской) культуры [12, с. 16, № 63]. Никаких аргументов в пользу своего мнения М. Г. Мошкова не привела, что выглядит странно, т. к. ещё в 1918 г. М. И. Ростовцев указал на формальное различие ильинского кинжала и клинков прохоровского типа с прямым перекрестьем и серповидным навершием [14, с. 56–61]. Но К. Ф. Смирнов, являвшийся научным редактором свода памятников прохоровской культуры М. Г. Мошковой, оставил её мнение о типологии и хронологии ильинского клинка без комментария.

В этой двойственности культурной атрибуции случайной находки кинжала у с. Ильинского проявляется суть природы особого термина, предложенного К. Ф. Смирновым для мечей и кинжалов V–IV вв. до н. э., в основном Южного Приуралья, которые этот исследователь неудачно, на наш взгляд, предложил называть клинками переходного типа, т. е. термином, который даже по названию работает на идею плавной трансформации савроматской культуры скифской эпо-

хи в раннесарматскую (прохоровскую) культуру¹.

Иконография кинжала, найденного у с. Ильинское

В 1988 г. автором был осмотрен и описан кинжал, найденный у с. Ильинское, в фондах Центрального музея Казахстана. При визуальном осмотре этой находки замечено, что навершие кинжала на самом деле декорировано совсем другими изображениями, на которые никто не обращал должного внимания.

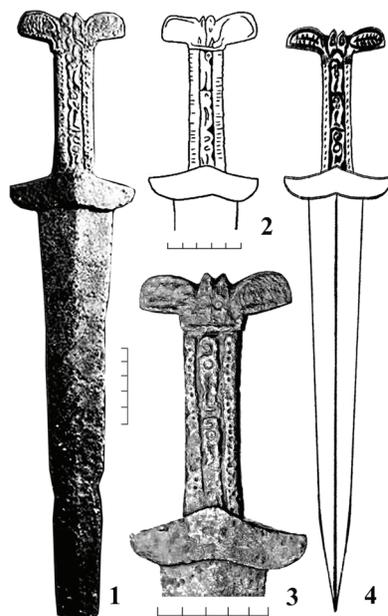
Кинжал откован из единой полосы железа (рис. 2.3). Бабочковидное перекрестье отковано отдельно, надето на плечики клинка слева направо и тщательно закреплено расковкой правого плечика перекрестья. Шов развилки перекрестья уничтожен проковкой. Рукоять кинжала имеет зооморфное оформление навершия. Но это не головы грифонов, а противостоящие в геральдической оппозиции 2 фигуры кошачьих хищников (пантер), соприкасающихся в середине навершия лбами друг с другом (рис. 6.1). Абрис фигур, хвосты, лапы (задние поджаты под туловище, передние чуть свисающие), оскалы пасти и круглые уши с точечными углублениями (которые М. И. Ростовцев принял за глаза хищных птиц) проработаны резцом по фигурам. Изображения фигур пантер нанесены с обеих сторон навершия. Рукоять кинжала также с двух сторон кинжала разделена с помощью зубила на 3 вертикальные колонки без проковки центральной в качестве желобка. Форма сечения рукояти – скруглённый плавно по углам прямоугольник. Бабоч-

¹ О причинах этого расхождения в датировках между К. Ф. Смирновым и М. Г. Мошковой и концептуальном кризисе гипотезы савромато-сарматского единства (см. подробнее [7, с. 403–426]). Следует отметить и тот факт, что, посвятив в книге «Савроматы» целую главу рассмотрению памятников звериного стиля и образом хищных птиц в декоративном искусстве кочевников Поволжья и Приуралья скифского времени, К. Ф. Смирнов не упомянул зарисованную им композицию декора навершия рукояти кинжала из Ильинского [17, с. 216–223].

ковидное перекрестье не имеет острого угла в вершине перелома под основанием рукояти. Плечики чуть вогнутые. Края крыльев образуют острый угол и переходят в овальные свисающие крылья, сходящиеся внизу середины перекрестья в хорошо выраженный угол. Ромбический в сечении клинок с продольным ребром вдоль всего лезвия у основания перекрестья на 2/3 шире рукояти. Лезвия клинка прямые, ровно сходились к острию, которое чуть закруглено в процессе многообразной заточки кинжала в древности. Размеры кинжала: общая длина – 435 мм; длина клинка от перекрестья – 305 мм; ширина клинка у перекрестья – 52 мм; высота навершия – 30 мм; ширина на-

вершия – 68 мм (по 34 мм каждая фигурка пантер); высота рукояти с навершием до перекрестья – 105 мм; ширина рукояти – 22 мм (2 крайние колонки – по 8 мм, колонка между ними – 6 мм); высота перекрестья посередине – 25 мм; ширина бабочковидного перекрестья – 84 мм (рис. 2.3).

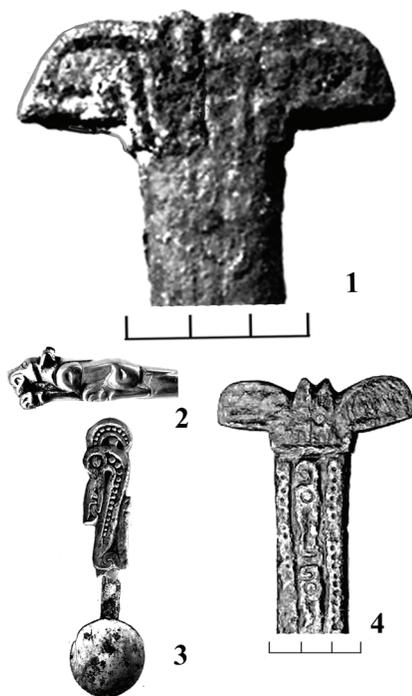
Фигурки пантер в навершии кинжала по своей пластике более всего напоминают художественные образы кошачьих хищников, известных по золотой гривне (рис. 6.2) из кургана 4 погребение 2

1. Фото Г. Б. Здановича 1979 г.
2. Прорисовка изображений на кинжале Р. Б. Исмагилова.
3. Фото рукояти кинжала А. Чотбаева.
4. Графическая реконструкция кинжала Л. И. Евполовой.

Рис. 5 / Fig. 5. Кинжал, найденный в 1971 г. у с. Бишкуль на берегу р. Ишим / Dagger found in 1971 near Bishkul village on the banks of the river Ishim

Источник: 1 – коллекция автора; 2 – [9, с. 224, рис. 2.3]; 3 – [20, с. 181, рис. 98]; 4 – [10, с. 174]

1. Навершие кинжала.
2. Золотая фигурка хищника с гривны из кургана 4, погребения 2 Филипповского курганного могильника.
3. Костяная ложечка с фигурой горного козла из кургана 1, погребения 2 Филипповского курганного могильника.
4. Фрагмент навершия и рукояти кинжала, найденного у с. Бишкуль в 1971 г.

Рис. 6.1 / Fig. 6. Навершие кинжала, найденного в 1912 г. у с. Ильинское / The tip of a dagger found in 1912 near Ilyinskoe village

Источник: 1 – фото А. А. Норвилло, 2–3 – фото автора; 4 – фото А. Чотбаева

Филипповского курганного могильника в Оренбуржье [1, с. 144–145, кат. № 8.12]. Это, безусловно, образы животных, характерных для скифского звериного стиля V в. до н. э. Для художественного стиля этого времени очень характерна нарочитая трактовка массивных лап хищников и непропорциональная стилизация фигур животных, их большая зависимость от форм декорируемых предметов.

Аналогии кинжалу у с. Ильинское

Очень важным подтверждением правильности предлагаемой трактовки декорирования навершия кинжала фигурами пантер является существование точной аналогии подобного оформления рукояти клинка, что делает находку у с. Ильинское в Оренбуржье частью определённого контекста материальной культуры кочевников центральной части Евразийского пояса степей скифской эпохи. Речь идёт о железном кинжале, найденном юго-восточнее оренбургских степей – в Приишимье, у с. Бишкуль (Башкуль, Бесколь) Северо-Казахстанской области (в 10 км южнее г. Петропавловск)¹.

В 1971 г. группа школьников нашла этот клинок торчащим из обрыва берега р. Ишим. В 1974 г. студентка Карагандинского педагогического института А. Е. Бекишева (впоследствии руководитель кружка «Юный археолог») сделала доклад об этом кинжале на региональной археологической студенческой конференции в г. Ижевск, справедливо отнеся эту находку к кругу древностей, выполненных в скифо-сарматском зверином стиле. Следует отметить, что А. Е. Бекишевой было присуще очень богатое воображение, т. к. она сочла, что на рукояти кинжала из Бесколя изображена «летающая сова с ушами и распростёртыми крыльями или

пара грифонов, затылками друг к другу, с раскрытыми клювами и обозначенными в пасти зубами» [2, с. 40–41].

Челябинский археолог Г. Б. Зданович (1938–2020), курировавший работу карагандинского археологического кружка юных археологов, сделал в 1979 г. фотографию (рис. 5.1) найденного у с. Бишкуль кинжала и передал её археологу из Стерлитамака Р. Б. Исмагилову (1949–2014), который многие годы вёл археологические исследования клинков эпохи ранних кочевников Приуралья. В 1980 г. Р. Б. Исмагилов (рис. 1.4) проанализировал рукоять кинжала с берегов р. Ишим, дав более адекватное описание сделанной им прорисовки (рис. 5.2): «В 1971 г. у с. Бишкуль (Северный Казахстан) в обнажении берега р. Ишим школьниками был найден акинак с обломанным на конце клинком [2, с. 40–41]. Перекрестье узкое, бабочковидной формы. Треугольный в прошлом клинок имеет ромбическое сечение. Уплотнённая рукоять и навершие покрыты зооморфными изображениями. На навершии изображены в профиль 2 волка с опущенными вниз соприкасающимися головами, и, вероятно, они же представлены на средней полосе расчленённой натрое рукояти, однако уже не в виде целых фигур, а отдельных головок» [9, с. 224].

Сохранность кинжалов из Ильинского и с. Бишкуль не настолько безупречна, чтобы имело смысл сейчас настаивать на однозначности трактовок видового определения изображённых на навершии животных. Поэтому не так уж и важно сейчас утверждать – изображены там пантеры, волки или даже медведи.

Для выделения специфики кинжалов с зооморфным декором рукоятей более всего важна композиционная схема их рукоятей: соприкасающиеся лбами хищники, изображённые на навершии по принципу зеркальной симметрии. Р. Б. Исмагилову более 40 лет назад удалось наметить группу подобных кинжалов на Южном Урале, в которую с пол-

¹ Прим. автора: Кинжал найден у с. Бишкуль в Кызылжарском районе Северо-Казахстанской области Республики Казахстан. Он хранится в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Инвентарный номер – СКОМ. ОФ. № 2408. Большая благодарность за информацию заведующей Отделом археологии Р. А. Попович.

ным правом теперь мы можем включить и кинжал, найденный у с. Ильинское в Оренбуржье. Эта группа включает:

1. железный меч с зооморфным навершием в виде противостоящих хищников и бабочковидным перекрестьем, найденный в 1976 г. у г. Белебей в Башкирии [9, с. 244, рис. 2.1];

2. кинжал с зооморфным симметричным навершием и дуговидным перекрестьем, найденный у Висимской дачи в Прикамье [9, с. 243, рис. 2.2];

3. кинжал с зооморфным симметричным навершием и бабочковидным перекрестьем, найденный в 1971 г. у с. Бишкуль на р. Ишим [9, с. 244, рис. 2.3];

4. кинжал с зооморфным симметричным навершием и бабочковидным перекрестьем, найденный в 1912 г. у с. Ильинское в Оренбуржье;

5. железный кинжал с зооморфным (?) симметричным навершием и бабочковидным перекрестьем, найденный на землях совхоза «Дёма» Миякинского р-на в юго-западной Башкирии [9, с. 244, рис. 2.4].

Кинжал, найденный у с. Бишкуль, по своим пропорциям имел длинную орнаментированную рукоять, бабочковидное перекрестье и треугольный в плане клинок. Кинжал выкован из единой стальной полосы с накладом бабочковидного перекрестья по той же технологии, что и у кинжала у с. Ильинское. Рукоять кинжала прямоугольная в сечении со скруглёнными углами. Сечение клинка ромбовидное. Лезвия прямые, ровно сходящиеся к острию (рис. 5.1).

Благодаря помощи казахских коллег стало возможно метрически описать эту находку. Кинжал сохранился на длину 397 мм; высота навершия – 28 мм; ширина навершия – 67 мм (фигурки хищников – 33 и 34 мм); высота рукояти с навершием (до перекрестья) – 100 мм; ширина рукояти – 25 мм (колонки – 7 мм, 10 мм, 8 мм); высота перекрестья – 28 мм; ширина перекрестья – 80 мм; длина клинка (сохранившаяся от перекрестья) – 272 мм;

ширина клинка у перекрестья – 48 мм¹.

Интересен декор рукояти кинжала (рис. 5.3). Навершие состоит из 2 фигурок хищных животных, изображённых припавшими к земле с поджатыми под себя ногами. Большая часть туловища передана крупом животного, лежащего на горизонтально изображённой задней лапе. Правая фигурка на фото лучше сохранилась и хорошо видны косые расчёсы прядей шерсти на теле. Передние лапы обоих хищников спускаются вниз и смыкаются под мордами животных встык. Причём на них нанесены также косые насечки. Абрис передних лап образует кант, отделяющий горизонтально навершие от ствола рукояти. Крупные подквадратные головы имеют круглые глаза со зрачком в центре кружка. Сверху над головой выступают треугольные по форме уши, резко выходящие за абрис фигурок. Середина уха выбрана двумя глубокими вдавлениями в ухе каждого хищника (рис. 6.4). Рукоять разделена на 3 вертикальные колонки. Боковые чуть выступают в рельефе. Каждая из них имеет пуансонный декор в один ряд, состоящий из более чем 2 десятков точек, нанесённых вертикально одна над другой. Средняя колонка имеет прочеканенный фон, на котором в высоком рельефе выбиты мордой вниз 3 стилизованные головки горных козлов. Каждая голова имеет небольшой завиток рогов, расположенных вверху голов. Далее следует круглый глаз и удлинённая морда с вытянутым приоткрытым ртом (рис. 6.4). Головки расположены в средней части рукояти в профиль мордами вниз по направлению к клинку. При насаде бабочковидного перекрестья нижняя головка была разбита при зажиме и проковке перекрестья на плечиках клинка.

¹ Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность за помощь в работе с кинжалом из Бишкуля моему коллеге и другу – старшему преподавателю кафедры археологии, этнологии и музеологии исторического факультета Казахского национального университета им. аль-Фараби в г. Алматы – Бауыржану Бесетаеву.

Наиболее точные аналогии художественным образам голов горных козлов с Бишкульской рукояти даёт звериный стиль декора рукоятей ложек, вырезанных из кости, найденных опять же в Филипповском курганном могильнике (рис. 6.3), что помогает определить стилистический и культурный контекст декора наверший кинжалов всей серии, похожей на клинок, найденный у с. Ильинское [21, с. 102, рис. 13.1].

В 1994 г., описывая памятники степного Приишимья, кинжал из с. Бишкуль подробно рассмотрела М. К. Хабдулина [19, с. 54–55, табл. 54.2]. Её точка зрения весьма оригинальна и требует комментария. Рассматривая декор рукояти кинжала, найденного у с. Бишкуль (в тексте и подписях к таблицам она называет место находки по-разному: Бесколь, Бишкуль)¹, М. К. Хабдулина предложила идею возможности разной полисемантической трактовки изображений. Она пишет: «Содержание художественных образов, запечатлённых на поверхности навершия, при осмыслении развёртывается в своеобразную сюжетную панораму представлений древних о воинской доблести, храбрости, силе. Изображения центральной части рукоятки, в зависимости от ракурса рассмотрения, имеют множественное прочтение» [19, с. 54]. Первое из них она формулирует сама, называя его чисто орнаментальным: «Изображения на навершии выполнены в традиции зеркальной симметрии. В центре расположены 2 треугольника, острые углы которых выступают над верхним углом навершия. Контуры треугольников подчёркнуты гравировкой. В центре их – по резному кружочку. От треугольников отходят 2 лопасти подпрямоугольной формы, поверхность их заполнена вертикальными и наклонными бороздками. По силуэту навершия идёт рельефный кантик, укра-

шенный насечками по нижнему краю» [19, с. 54].

Затем она принимает точку зрения А. Е. Бекишевой о том, что в навершии кинжала могут читаться и образы летящей совы, и смотрящие в разные стороны головы грифонов с зубастыми пастьми (косые насечки прядей шерсти на теле правого хищника). Не возражает она и против версии Р. Б. Исмагилова, что это могут быть противостоящие фигурки волков, добавляя к этому, что упёршиеся головами друг в друга звери могут быть зайцами – популярным в скифской мифологии образом. Также поливариантно, рассматривая головки горных козлов с рукояти кинжала под разными углами зрения, М. К. Хабдулина трактует их то как головки хищной птицы (принимая завитки рогов за клювы), то как «стилизованные фигуры стоящих на двух ногах животных, с повернутой назад головой» [19, с. 55]. Идеи М. К. Хабдулиной нашли отклик в художественной трактовке графического воспроизведения данного кинжала и в книге Хабдулиной, и при оформлении изданий материалов Маргулановских чтений, где художник Л. И. Евопова (рис. 5.4) трактовала изображение на рукояти кинжала в абстрактном варианте декора [10, с. 174]. При всём интересе подобного варианта семантического анализа, нельзя согласиться с таким принципом поливариантной трактовки художественных образов анималистического искусства скифской эпохи.

Заключение

Завершая разбор истории изучения кинжала, найденного в 1912 г. у с. Ильинское в Оренбуржье, подчеркнём, что хронологические позиции этого типа клинкового оружия все исследователи, за исключением М. Г. Мошковой, определяют достаточно конкретно – это V–IV вв. до н. э., и в культурном отношении относят его к кругу древностей скифской эпохи. На Южном Урале это время во многом определяется кругом древностей,

¹ В статье Р. Б. Исмагилова в подписях к иллюстрациям встречается даже вариант названия села – Башколь, но это, вероятнее всего, опечатка [9, с. 244].

ставших известными благодаря раскопкам некрополя у с. Филипповки в Оренбуржье. Название этого памятника можно использовать для обозначения как данного исторического периода в истории ранних кочевников Приуралья, так и в обозначении культурного феномена

скифоидного типа социума, для которого яркой особенностью именно в этот период становятся характерными церемониальные мечи и кинжалы с их богатым зооморфным декором.

Дата поступления в редакцию 06.08.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникеева О. В. Ювелирные украшения // Сокровища сарматских вождей. Древности середины I тысячелетия до н. э. из Филипповских курганов на Южном Урале / ред. Л. Никитина. М.: ГМИИ, 2023. 230 с.
2. Бекишева А. Е. Новая находка скифо-сарматского звериного стиля в Северном Казахстане // VI Уральская научная студенческая археологическая конференция: тезисы докладов. Ижевск: ИГУ, 1974. С. 40–41.
3. Евгеньев А. А. История Оренбургской археологии. XVIII – начало XX века. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2018. 364 с.
4. Зуев В. Ю. «Пляшущие человечки» Сапоговского клада // Ad Polus: сб. статей / отв. ред. Г. Н. Грачёва. СПб.: Фарн, 1993. С. 95–102.
5. Зуев В. Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 32 с.
6. Зуев В. Ю. Сарматская концепция М. И. Ростовцева и Прохоровские курганы // Парфянский выстрел / под ред. Г. М. Бонгард-Левина, Ю. Н. Литвиненко. М.: РОССПЭН, 2003. С. 580–604.
7. Зуев В. Ю. Niatus III в. до н. э. и incident 1963 г. // Уфимский археологический вестник. 2023. Вып. 23. № 2. С. 403–426.
8. Исковский А. Е. «Светописцы Оренбурга» // Гостинный Двор. Альманах. 2010. № 30. С. 15–28.
9. Исмагилов Р. Б. Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // Советская археология. 1980. № 1. С. 219–228.
10. Маргулановские чтения: сб. мат-ов конф. Петропавловск, 1992. 169 с.
11. Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 91 с.
12. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 56 с.
13. Овчинникова Б. Б., Сумин В. В. Владимир Яковлевич Толмачёв: Судьба археолога // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сб. науч. статей / отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 163–177.
14. Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. С приложениями академика П. К. Коковцова и С. И. Руденко. Петроград: Девятая Гос. Тип., 1918. 81 с.
15. Сафонов Д. А. Возвращение в Россию: судьба научных и культурных ценностей края // Оренбургский край. 1994. № 1. С. 18–36.
16. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 163 с.
17. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 381 с.
18. Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 40 с.
19. Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.
20. Чотбаев А. Вооружение древних кочевников Казахских степей. Астана: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. 197 с.
21. Яблонский Л. Т. Новые необыкновенные находки из кургана 1 могильника Филипповка-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 2. С. 97–108.
22. Ginters W. Das Schwert der Skythen und Sarmaten im Südrussland. Vorgeschichtliche Forschungen. Berlin, 1928. 94 s.
23. Tallgren A. M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman à Vasa: chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors, 1917. 99 p. XII Pl.

REFERENCES

1. Anikeeva O. V. [Jewelry]. In: Nikitina L., ed. *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdov. Drevnosti potrebovalos I tsysyacheletiya do n. e. iz Filippovskikh kurganov na Yuzhnom Urale* [Treasures of the Sarmatian leaders. Antiquities of the mid-1st millennium BC from the Filippovsky Kurgans in the Southern Urals]. Moscow, GMI Publ., 2023. 230 p.
2. Bekisheva A. E. [New find of the Scythian-Sarmatian animal style in Northern Kazakhstan]. In: *VI Uralskaya nauchnaya studencheskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [VI Ural Scientific Student Archaeological Conference]. Izhevsk, ISU Publ., 1974, pp. 40–41.
3. Evgeniev A. A. *Istoriya Orenburgskoy arkheologii. XVIII – nachalo XX veka* [History of Orenburg archaeology. 18th – early 20th centuries]. Orenburg, Izd. tsentr OGAU Publ., 2018. 364 p.
4. Zuev V. Yu. [“Dancing men” of the Sapogovsky treasure]. In: Gracheva G. N., ed. *Ad Polus*. St. Petersburg, Farn Publ., 1993, pp. 95–102.
5. Zuev V. Yu. *Prokhorovskiy kurgany v Yuzhnom Priural'ye i problemy khronologii rannesarmatskoy kul'tury: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Prokhorovsky mounds in the Southern Urals and the problem of the chronology of the early Sarmatian culture: Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. St. Petersburg, 1998. 32 p.
6. Zuev V. Yu. [Sarmatian concept of M. I. Rostovtsev and Prokhorovsky mounds]. In: Bongard-Levina G. M., Litvinenko Yu. N., eds. *Parfyanskiy vystrel* [Parthian Shot] M.: ROSSPEN Publ., 2003, pp. 580–604.
7. Zuev V. Yu. [Hiatus III century. BC e. and incident of 1963]. In: *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2023, iss. 23, no. 2, pp. 403–426.
8. Iskovsky A. E. [“Light writers of Orenburg”]. In: *Gostinyy Dvor. Almanakh* [Gostiny Dvor. Almanac], 2010, no. 30, pp. 15–28.
9. Ismagilov R. B. [Sub-Ural akinaki with a pommel in the form of an eared griffin and a predatory animal]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1980, no. 1, pp. 219–228.
10. *Margulanovskiy chteniya* [Margulanov readings]. Petropavlovsk, 1992. 169 p.
11. Melyukova A. I. *Vooruzheniye skifov* [Armament of the Scythians]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 91 p.
12. Moshkova M. G. *Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury* [Monuments of Prokhorovskaya culture]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 56 p.
13. Ovchinnikova B. B., Sumin V. V. [Vladimir Yakovlevich Tolmachyov: The fate of an archaeologist]. In: Smirnov N. Yu., ed. *Tvoretz kul'tury. Materialnaya kultura i dukhovnoye prostranstvo cheloveka v svet-skoy arkheologii, istorii i etnografii* [Creator of Culture. Material culture and spiritual space of man in the light of archeology, history and ethnography]. St. Petersburg, IIMK RAN Publ., 2021, pp. 163–177.
14. Rostovtsev M. I. *Kurgannyye nakhodki Orenburgskoy oblasti epokhi rannego i pozdnego ellinizma. S prilozheniyami akademika P. K. Kokovtsova i S. I. Rudenko* [Kurgan finds of the Orenburg region from the era of early and late Hellenism. With applications by academician P. K. Kokovtsov and S. I. Rudenko]. Petrograd, Devyataya Gos. Tip. Publ., 1918. 81 p.
15. Safonov D. A. [Return to Russia: the fate of scientific and cultural values of the region]. In: *Orenburgskiy kray* [Orenburg region], 1994, no. 1, pp. 18–36.
16. Smirnov K. F. *Vooruzheniye savromatov* [Armament of the Sauromats]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Pub., 1961. 163 p.
17. Smirnov K. F. *Savromaty. Rannyya istoriya i kultura sarmatov* [Savromata. Early history and culture of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 381 p.
18. Smirnov K. F., Petrenko V. G. *Savromaty Povolzhya i Yuzhnogo Priuralya* [Savromata of the Volga and Southern Urals]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. 40 p.
19. Khabdulina M. K. *Stepnoye Priishimye v epokhu rannego zheleza* [Steppe Priishimye in the Early Iron Age]. Almaty, Racurs Publ., 1994. 170 p.
20. Choibaev A. *Vooruzheniye drevnikh kochevnikov Kazakhskikh stepey* [Armament of the ancient nomads of the Kazakh steppes]. Astana, In-t arkheologii im. A. Kh. Margulana, 2013. 197 p.
21. Yablonsky L. T. [New unusual findings at Filippovka-1 burial mound 1, Southern Urals]. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2015, no. 2, pp. 97–108.
22. Ginters W. *Das Schwert der Skythen und Sarmaten im Südrussland. Vorgeschichtliche Forschungen*. Berlin, 1928. 94 s.

23. Tallgren A. M. *Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman à Vasa: chapitres d'archéologie sibérienne*. Helsingfors, 1917. 99 p. XII Pl.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зуев Вадим Юрьевич – кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки, член редколлегии международного журнала «Stratum+. Археология и Культурная антропология»;
e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim Yu. Zuev – Cand. Sci. (History), Laureate of the State Prize of the Russian Federation in the Field of Science, Member of the Editorial Board, International Journal «Stratum+. Archeology and Cultural Anthropology»;
e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зуев В. Ю. Железный кинжал с зооморфным навершием, найденный у с. Ильинское в Оренбуржье // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 151–167.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-151-167

FOR CITATION

Zuev V. Yu. An iron dagger with a zoomorphic tip found near Ilinskoe village in Orenburg region. In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 151–167.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-151-167